

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература» представляет книги

Сергея Тармашева

СЕРИЯ «АРЕАЛ»

ЗАРАЖЕНИЕ
ЦЕНА АЛЧНОСТИ
ОБРЕЧЁННЫЕ
ВЫЧЕРКНУТЫЕ ИЗ ЖИЗНИ
ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ
УМРИ КРАСИВО
ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН
ЧТО ПОСЕЕШЬ

СЕРИЯ «ДРЕВНИЙ»

КАТАСТРОФА
КОРПОРАЦИЯ
ВОЙНА
ВТОРЖЕНИЕ
РАСПЛАТА
ВОЗРОЖДЕНИЕ
ЧАС ВОЗДАЯНИЯ
ПРЕДЫСТОРИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ. ИСТОКИ
ПРЕДЫСТОРИЯ. КНИГА ВТОРАЯ. НЕРАЗДЕЛИМЫЕ
ПРЕДЫСТОРИЯ. КНИГА ТРЕТЬЯ. НЕПОКОРЁННЫЕ
ПРЕДЫСТОРИЯ. КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. ВО СЛАВУ МСТИ
ПРЕДЫСТОРИЯ. КНИГА ПЯТАЯ. ВРЕМЯ СИЛЬНЫХ ДУХОМ
ПРЕДЫСТОРИЯ. КНИГА ШЕСТАЯ. ВРЕМЯ ТРЁХ СОЛНЦ

НАСЛЕДИЕ
НАСЛЕДИЕ 2

ОТЕЛЬ «ОЮНСУ»
ЭКСПЕДИЦИЯ «ОЮНСУ»

СЕРИЯ «ХОЛОД»

НЕОТВРАТИМАЯ ГИБЕЛЬ
ЛЕДЯНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ
СТУДЁНОЕ ДЫХАНИЕ

СЕРИЯ «ТЬМА»

РАССВЕТ ТЬМЫ
СИЯНИЕ ТЬМЫ
ЗАКАТ ТЬМЫ
КОНЕЦ ТЬМЫ
ЧИСТИЛИЩЕ
ЧИСТИЛИЩЕ. ФИНАЛ

ЖАЖДА ВЛАСТИ
ЖАЖДА ВЛАСТИ 2
ЖАЖДА ВЛАСТИ 3

КАЖДОМУ СВОЁ
КАЖДОМУ СВОЁ 2
КАЖДОМУ СВОЁ 3
КАЖДОМУ СВОЁ 4

ИЛЛЮЗИЯ
ИЛЛЮЗИЯ 2

СЕРИЯ «МЕСТЬ ТЬМЫ»

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Заражение
●
Цена алчности
●
Обречённые

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т20

Фотография автора — *Татьяна Либерман*

Художник — *Николай Ковалёв*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Книга является литературно-художественным изданием,
содержит вымышленные события и факты.
Мнение автора может не совпадать с мнением издательства.

Тармашев, Сергей Сергеевич.

Т20 АРЕАЛ. Заражение; Цена алчности; Обречённые : [фантастические романы] / Сергей Тармашев. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 736 с. — (На перекрестке миров Сергея Тармашева).

ISBN 978-5-17-118531-2

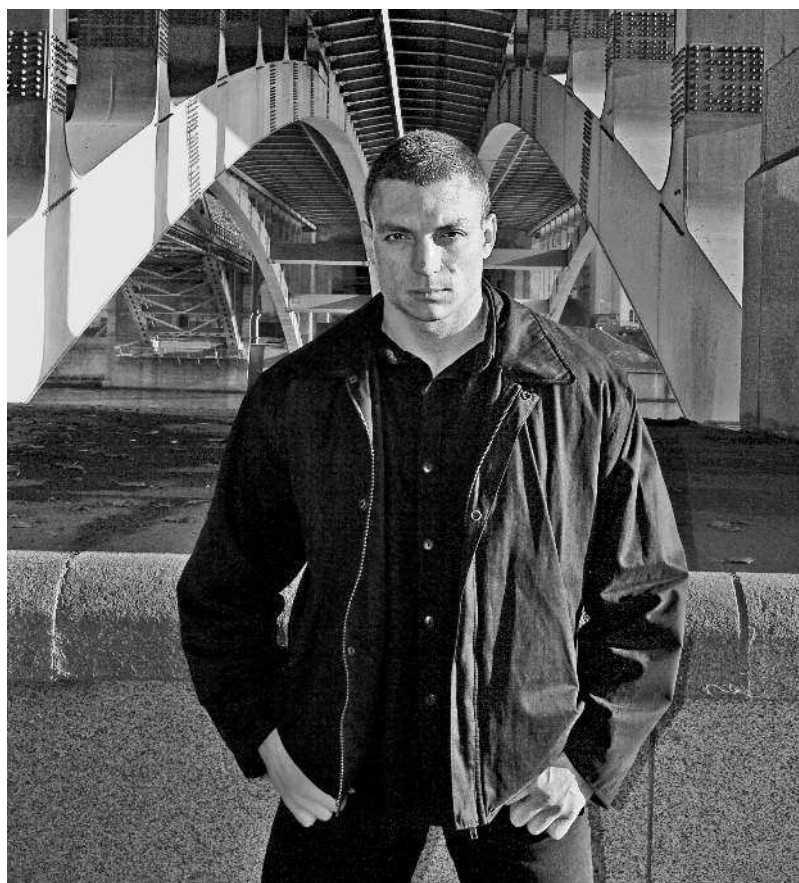
Обломки неизвестного космического тела, рухнувшего в глухой тайге в районе Ухты, породили колоссальный выброс энергии, превратив все окрестности в загадочную и смертельно опасную Зону. Но людей, сделавших своим ремеслом добычу порождённых Ареалом метаморфитов и торговлю государственными тайнами Родины, не страшат ни аномалии, ни ужасные мутанты. И лишь бывший боец отряда «Альфа» капитан Иван Берёзов старается всеми силами остановить надвигающуюся катастрофу.

В настоящий сборник вошли три произведения цикла «Ареал»: «Заражение», «Цена алчности» и «Обречённые».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118531-2

© С.С. Тармашев, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Первоначально я не планировал делать серию Ареал, так как тематика всевозможных смертельных, чернобыльских и прочих аномальных зон, как говорится, «не моя». Однако множество читателей присылали и продолжают присылать письма с просьбой «написать что-нибудь в серию “Сталкер”». Поначалу я отнекивался от подобных предложений, но когда суммарное количество посланий, объединённых общей мыслью «Даёшь “Сталкер”!», превысило отметку в три с половиной тысячи, я понял, что игнорировать столь настойчивую просьбу читателей нельзя. Так как мир «Сталкера» и без меня неплохо себя чувствует и уверенно развивается, я посчитал более интересным не присоединяться к уже существующей серии, но создать свою вариацию на популярную тему. За основу своего нового мира я взял гениальное творение бессмертных Стругацких «Пикник на обочине», являющееся родоначальником самой идеи аномальных зон и исследующих их сталкеров. Надеюсь, что мой Ареал не разочарует поклонников жанра, но окончательные выводы сделает конечно же читатель.

ЗАРАЖЕНИЕ

— Да. И всё было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум.

— А разве мы не знаем? — удивился Нунан.

— Представьте себе, нет. Обычно исходят из очень плоского определения: разум есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Этакая, знаете ли, попытка отграничить хозяина от пса, который якобы всё понимает, только сказать не может. Впрочем, из этого плоского определения вытекают более остроумные... Например: разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки.

— Да, это про нас... — горестно согласился Нунан.

— К сожалению... ещё одно определение, очень возвышенное и благородное. Разум есть способность использовать силы окружающей среды без разрушения этой среды.

Нунан сморщился и заматал головой.

— Нет, — сказал он. — Это не про нас. Ну а как насчёт того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

— Я тоже, — сказал Валентин. — Но вся беда в том, что человек, во всяком случае, массовый человек, с лёгкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему, такой потребности и вовсе нет. Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о Боге, например, даёт ни с чем не сравнимую возможность абсолютно всё понять, абсолютно ничего не узнавая. Дайте человеку крайне упрощённую систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощённой модели. Такой подход не требует никаких знаний...

— погодите, — сказал Нунан. — Не отвлекайтесь. Давайте всё-таки так. Человек встретился с инопланетным существом. Как они узнают друг о друге, что они оба разумны?

— Представления не имею, — сказал Валентин, веселясь. — Всё, что я читал по этому поводу, сводится к порочному кругу. Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно...

— Вот тебе и на, — сказал Нунан. — А я-то думал, что у вас всё уже разложено по полочкам...

— Разложить по полочкам и обезьяна может, — заметил Валентин.

Аркадий и Борис Стругацкие, «Пикник на обочине»

ПРОЛОГ

*Командный Пункт Системы Предупреждения
о Ракетном Нападении, г. Солнечногорск, СССР,
27 марта 1991 года, 4 часа 52 минуты.*

Полусонный человек в безукоризненно отутюженном кителе с полковничьими погонами и красной повязкой оперативного дежурного на рукаве устало потёр глаза и, беззвучно кряхтя, поднял своё грузное тело из рабочего кресла. Он слегка потряс головой, отгоняя сонливость, потом, тяжело ступая, вышел из-за стола, заставленного аппаратурой засекреченной связи. Его взгляд скользнул по стеклянным картографическим планшетам и электронным табло, окружающим боевые посты несущих службу операторов СПРН. Затем он мельком прошёлся по дисплеям компьютеров, отображающих в реальном времени данные со спутников, призванных зорко следить за ракетами на участках территории вероятного противника. И наконец, остановился на своём отражении в ближайшем карт-планшете, заменявшем собою одну из стен его боевого поста.

Полковник расправил плечи и, насколько смог, втянул объёмистый животик. «М-да, хорош, ничего не скажешь... — Он саркастически ухмыльнулся. — Раздобрел на сидячей работе, даром что нервная. А врачи говорят, на почве постоянного напряжения и частых стрессов организм склонен к сильной потере веса. Видать, мой живот об этом ничего не знает...» Он вспомнил лейтенантскую юность, когда молодой жилистый ракетчик, рослый красавец офицер был способен без усталости сутками гонять личный состав, натаскивая вчерашних призывников на занятиях по развёртыванию в боевое положение зенитных ракетных систем и последующем их свёртывании в походное положение для выхода из района стрельбы

до ответной атаки вражеской авиации. Да, были времена... Его подразделению тогда принадлежал рекорд скорости по разворачиванию С-200, а ведь эта система в те годы была, ни много ни мало, противоракетным щитом страны. Полковник едва заметно улыбнулся, вспоминая свою первую награду, полученную за это достижение. Командование отметило его личной фотографией у Боевого Знамени части. Генерал собственноручно сделал на ней надпись «Лучшему ракетчику полка». Вроде бы мелочь, всего лишь фото, даже не медаль. Но до сих пор эта награда оставалась для полковника самой дорогой. Всё-таки первая.

Он вспомнил стройную фигуру старшего лейтенанта, замершего у Боевого Красного Знамени, и вновь бросил на своё отражение укоризненный взгляд. Надо бы заняться собой. Хотя бы гимнастику по утрам делать, что ли... Полковник едва заметно вздохнул и подошёл к стоящему в углу боевого поста сейфу. Он набрал личный код, открыл дверцу и достал из бронированного хранилища свой рабочий портфель, недра которого скрывали тут же извлечённый на белый свет небольшой термос. Кофе, самый обычный — пайковой, растворимый, сейчас будет как нельзя кстати. Уж больно тяжёлое время суток, самые сонные часы. Полковник наполнил кружку и, несколько вразрез с уставами и инструкциями, так и остался стоять посреди боевого поста оперативного дежурного, обводя взглядом Командный Пункт, не забывая время от времени делать глоток едва тёплого напитка. Операторы, которые тоже поклёвывали носами или растирали руками красные воспалённые глаза, при виде Оперативного немедленно оживились и заёрзали в креслах, ёжась под суровым взглядом начальника, не сулящим им ничего хорошего. Он мысленно улыбнулся. «Так-то вот. Я вас взбодрю получше любого кофе, шалопаи. Спать надо было дома, перед дежурством, а не с девками баловаться. А тут надо службу тащить. И тащить её надо исправно! Нити колоссальной системы сходятся в этом КП. На пультах операторов боевых постов ежесекундно поступают потоки данных с множества мощнейших РЛС, разбросанных по территории СССР, идёт информация со спутников Центра Контроля Космического Пространства, а ведь он неотрывно ведёт почти шесть тысяч различных космических объектов, находящихся на орбите планеты, не говоря уже о том, что орбитальная группировка не сводит глаз с ракетоопасных направлений вероятного противника. От нас зависит безопасность огромной страны!»

Полковник невесело поморщился. Огромная страна всё глубже погружалась в не менее огромный хаос. Советский Союз разваливался на глазах, и он решительно не понимал, что творят эти

болваны от политики. Шутка ли сказать, они собираются угробить такую махину! Зачем?! Убить колоссальное государство, громадный слаженный механизм, перед мощью которого дрожит весь Запад, разбить его вдребезги на множество беспомощных кусочков-винтиков, которые мгновенно окажутся лёгкой добычей для проходимцев всех мастей — от распоясавшихся уголовников, освобождённых новомодными амнистиями, до ушлых политика-нов, купленных с потрохами заокеанским вероятным противником. И кому это выгодно? Оперативный зло насупился. Как раз тем, чьи территории денно и нощно прощупывают спутники его КП. Ох, недалеко от истины злые шутники, многозначительно вопрошающие в своих анекдотах, мол, а почему это на плечи Генерального родимое пятно в виде Америки? Полковник покачал головой, мысленно обращаясь к герою анекдотов. Что же ты делаешь, крестьянин ты эдакий, мать твою?! Ломать не строить, тут большого ума не надо...

Он ещё раз окинул грозным взглядом КП и, сжимая в руке опустевшую кружку, направился к термосу. «Ещё немного кофе не помешает. Одна надежда на прошедший всесоюзный референдум, — размышлял он, отвинчивая колбу термоса, — может быть, хоть по его итогам эти идиоты одумаются? Всё-таки подавляющее большинство населения всех республик проголосовало за сохранение СССР. Правда, не во всех союзных республиках референдум провели». Но это и не удивительно, сейчас в стране такой бардак, что порой казалось, что единственное место, где ещё сохранился незыблемый порядок, был его КП. Полковник аккуратно поднёс кружку к горлышку термоса, и коричневая жидкость с запахом кофе начала наполнять кружку.

Резкий вой сирены боевой тревоги распорол тишину так внезапно, что Оперативный дёрнулся от неожиданности, расплёскивая кофе на пол. Термос и чашка полетели куда-то в сторону, и спустя секунду он уже сидел в своём кресле, шёлкая тумблерами микрофонов и кнопками систем мониторинга. Операторы Системы Контроля Космического Пространства наперебой докладывали обстановку, пытаясь скрыть испуг за повышенными интонациями.

— Вижу цель! — звенели динамики. — Цель одиночная! Баллистическая! Идентификации не поддаётся! Приближается с Востока! Идёт курсом на СССР! Дистанция сорок тысяч километров! Скорость...

— Дистанция тридцать девять тысяч километров! — тут же вклинился в разговор другой голос и мгновенно поправился: — Тридцать восемь тысяч километров! Продолжает сокращаться...

— ...ориентировочно тысяча километров в секунду! — Доклады поступали надрывно-торопливыми криками, едва не перебивая друг друга. — Точнее определить не могу...

— ...войдёт в верхние слои атмосферы через тридцать се... тридцать шесть секунд! — Голоса операторов уже срывались на крик.

— ...ожидаемая точка вхождения в тропосферу над восточными предгорьями Уральского хребта! Координаты...

— ...дистанция до цели тридцать пять тысяч километров! Продолжает сокра...

Надрывный вопль докладчика хлётко резанул по ушам:

— Расчётная точка контакта — район города Москвы! — Оператор изо всех сил старался скрыть охвативший его страх. — До контакта тридцать три секунды!

Время для Оперативного слилось в единую пулемётную очередь действий. Он отдавал команды и выполнял необходимые действия так быстро, как не работал ещё никогда в жизни. Части ПВО уже подняты по тревоге, прикрывающий Москву полк ждёт указаний, Министерство обороны оповещено, наверняка дежурные генералы сейчас ломают головы над тем, наносить ли ответно-встречный ядерный удар, но вот только по кому? Цель появилась в космосе внезапно, спутники не засекли ни старта, ни выхода ракеты на баллистическую траекторию. Быть может, в эти секунды уже будят Генсека, или как его там теперь, Президента... Только всё это не имеет значения. Полковник был хорошим ракетчиком. И, как любой грамотный профессионал, находящийся сейчас в помещении КП, прекрасно понимал, что произойдёт через тридцать секунд. Цель нанесёт удар по Москве со всеми вытекающими отсюда последствиями. И дело не в том, что до удара осталось полминуты, а время развёртывания зенитных ракетных комплексов С-300 — пять минут. Всегда кто-то есть в боевом положении, плюс эскадрильи ПВО в воздухе, плюс система стационарных ракетных комплексов, рассчитанная на перехват в атмосфере. Мы можем достать вражескую межконтинентальную баллистическую ракету на подлёте, в семидесяти — семидесяти пяти километрах от Москвы. Но ни одна из существующих на сегодняшний день ракет не способна перехватить цель, движущуюся со скоростью тысяча километров в секунду. Максимум тысяча двести — тысяча триста метров в секунду. Но не в тысячу раз больше... Неужели американцы смогли разработать и произвести такой снаряд, умудрившись сохранить всё в строжайшей тайне... Можно, конечно, испытывать призрачную надежду на то, что цель потеряет скорость, войдя в атмосферу, и у нас появится хоть самый малый шанс на перехват, но и так ясно, что она не замедлится в тысячу раз.

Удара по Москве не избежать. А это значит... Полковник болезненно передёрнул плечами. Неужели война? Как всё-таки они грамотно рассчитали удар. В столице ночь, люди спят в своих домах, жертвы будут максимальными. И с этой перестройкой никто уже и не ждёт...

— ...дистанция до цели двадцать одна тысяча километров! До контакта двадцать секунд! Курс прежний...

— Товарищ полковник! — Бледный офицер связи протянул ему распечатку: — На связи Центр Управления Полётами. Со станции «МИР» сообщают, что в сторону Москвы движется крупный космический объект! ЦУП не знает, откуда он взялся, появился внезапно у самой планеты! У них паника, они постоянно спрашивают, что им делать...

— Проснулись! — Оперативный выхватил бумагу у него из рук. — Ну, хоть не ядерная война, и на том спасибо! — Он быстро пробежал глазами по строкам и внезапно замер: — Что?! Диаметр десять километров?! — Полковник рванулся к микрофонам: — Данные по размерам цели! Немедленно!

— Не могу определить ввиду высокой скорости цели! — напряжённо выкрикнул один из операторов. — Расчёт станет возможным через...

— Десять секунд до контакта! — Новый доклад заглушил его слова. — Дистанция девять тысяч километров!

— Девять секунд! — начал отсчёт оператор.

— Размеры цели мне, немедленно! — взревел Оперативный, напрямую отдавая команду частям противоракетного прикрытия проинформировать атаку цели на упреждение.

— Восемь секунд!

— Есть размеры! — выкрикнул один из офицеров. — Почти одиннадцать тысяч метров в поперечнике!

— Шесть секунд!

Оперативный замер в своём кресле. Вот теперь точно конец. Даже если свершится чудо и противоракеты достанут цель, для неё это будет что слону дробина. Десять километров камня врежутся в планету на скорости тысяча метров в секунду. И уже неважно, в какую именно часть страны они ударят, всё равно от неё не останется ничего. Полковник запоздало подумал, что, если бы это была американская баллистическая ракета, он, пожалуй, был бы ей сейчас рад.

— Четыре секунды! — Командный Пункт замер, словно музей восковых фигур, и голос оператора, проводившего обратный отсчёт, стал единственным признаком жизни в заполненном людьми помещении.

— Три секунды!

— Две секунды!

Неожиданно возникла пауза.

— Ничего не... — непроизвольно выдохнул оператор и тут же торопливо доложил: — Объект вошёл в атмосферу и резко потерял скорость!

— Наблюдаю разделение целей! — тут же последовал доклад с другого поста. — Цель групповая, множественн... Сотни отметок! Быстро снижается!

— Да оно же разваливается в воздухе! — вдруг воскликнул кто-то совсем не по уставу, и замерший было КП тут же взорвался целой бурей докладов.

Когда спустя пять минут стало окончательно ясно, что цель, оказавшаяся неизвестным космическим телом, предположительно полым метеоритом, состоявшим из зазеленелых газов, разрушилась, войдя в атмосферу Земли, Оперативный твёрдо решил сделать сегодняшнее число вторым днём рождения для своих детей. Он устало откинулся на спинку кресла и только теперь понял, что взмок так, будто побывал под проливным дождём. Откуда-то издалека пришла мысль, что теперь он точно знает, о чём именно хотят сказать врачи, когда произносят слово «стресс». Полковник запустил руку во внутренний карман кителя, достал упаковку валидола и отправил под язык пару таблеток. Он позволил себе на несколько секунд закрыть глаза, успокаивая бешено колотящееся сердце, так и норовящее выпрыгнуть из груди. «Обошлось», — подумал Оперативный. Конечно, сейчас начнётся целая эпопея с этим метеоритом, разбор полётов и раздача оплеух. Откуда прилетел, почему сразу не заметили, из-за чего потом были не готовы, куда упал, из чего состоял, что после себя оставил, как и благодаря чему произошло столь фантастическое падение скорости, спасшее жизни половине планеты, и чёрт знает сколько ещё вопросов. После этих разборов запросто можно стать генералом или подполковником. Но сейчас полковника всё это не интересовало. Потом. Всё потом. А сейчас он выделит себе время на отдых. Немного. Всего лишь Короткие сорок секунд. Совсем чуть-чуть. Это ведь ничто по сравнению с тем, как мучительно долго длятся Бесконечные сорок секунд.

*Ухтинский район Коми АССР, 27 марта 1991 года, 5 часов
3 минуты, в десяти километрах к северо-западу от деревни Кедвавом.*

— Что такое, Черныш, чем ты так недоволен? — Старик снял с руки толстенную шубную рукавицу на заячьем меху и ласково потрепал загривок поскуливавшего пса. — Не выпался, что ль, старый лежебока?

Чёрная, как антрацит, сибирская лайка, поджав переднюю лапу, жалобно прижалась к человеку и вновь тихонько заскулила. Петрович поправил висящую за спиной древнюю двустволку и, кряхтя, опустился на корточки рядом с собакой.

— Ну, дружище, что с тобой? — Старик заботливо гладил пса по голове, пытаясь успокоить. — С самого утра сам не свой. Капризничаешь, старая псина, прям-таки как я! — Он ласково улыбнулся лайке. — Да и то верно, с кем тебе ещё поворчать-то? Одни мы с тобой, два старика, друг у друга остались...

Пёс, словно понимая человека, коротко лизнул его в щёку. Чернышу стукнуло уже десять лет, и по своим собачьим меркам он почти ровесник Петровича, доживавшего седьмой десяток. С тех пор как три года назад умерла жена, ближе собаки никого не осталось. Дочери давным-давно поразъехались по большим городам и вышли замуж, у них своя жизнь, в которой для старика почти не осталось места. Последний раз он видел их на похоронах, с тех пор лишь по праздникам приходили поздравительные открытки. Внуки заброшенной в глухой тайге на краю света деревенькой не интересовались, вот и выходило по всему, что стареющий Черныш и есть вся его родня. Петрович даже думать не хотел о том, что будет делать, когда верный пёс отдаст богу душу.

— Что, старый хрыч, пойдём дальше? — Старик поднялся на ноги и стряхнул снег с полы тулупа. — Нам ещё топать и топать, куда все капканы не обойдём. — Он двинулся дальше через ельник, на ходу надевая варежку.

Пёс преданно поглядел на человека, повилял колючком хвоста, но с места так и не сдвинулся.

— Давай, Черныш, ищи белочку! — сказал собаке старик, оглядываясь. — А то лучше горностая, Семён за него нам с тобой хорошо заплатит. Угля подкупим, дрожжей, сахарку, первача знатного сообразим, поставим Федьке Рыжему литрушку, он нам за это дело дровишек нарубит-натаскает, а то стар я уже колуном-то махать, не держат руки совсем... Пошли, старый, пошли, чего стоишь, аки вкопанный? Нам ещё крюк делать в добрых километров двадцать, куда силки проверять будем!

Лайка негромко твякнула, словно соглашаясь с аргументами Петровича, но не ступила и шагу. Наоборот, Черныш потянул носом воздух, словно ожидая чего-то, уселся на снег и вновь тихонько заскулил.

— Да что за напасть такая... — вздохнул старик, возвращаясь к собаке, — али заболел ты у меня, бедолага? Ещё давеча был сам не свой...